

Е. А. Сизова

Москва.

Свято-Тихоновский

православный гуманитарный
университет

Житие пр. Мартиниана называет местом рождения святого Сямскую волость, раскинувшуюся вдоль берегов Кубенского озера. Земли эти еще в XIV веке принадлежали богатому московскому боярину Федору Андреевичу Свибло, служившему великому князю Дмитрию Донскому.¹ Как боярин, принадлежавший к одному из самых могущественных боярских родов, и будучи видным воеводой, Свибло имел все возможности для приумножения своих владений. Северные вотчины были богаты пушниной, которая приносила большие доходы.

Кроме того, обширные бортные леса, рыбные ловли составляли основное богатство землевладельцев. Но, в конце XIV века боярин Свибло подвергся опале, и все земли его в Отводном стане и Сямской волости были конфискованы великим князем. В своем завещании Дмитрий Донской отдает Сяму вместе с Тошней и Угличем своему сыну Петру Дмитриевичу.² Князь Петр Дмитриевич был женат на Ефросинье, дочери Полиевкта Васильевича Вельяминова, который приходился ему тестем.³ В Типографской летописи о них говорится: «Полуехт убился с церкви, а дочь его княгини Офросинья князь Петрова Дмитриевич(я), а сына

СЯМА – РОДИНА ПРЕПОДОБНОГО МАРТИНИАНА

у них не было».⁴ Поэтому князь Петр Дмитриевич находился в родстве с пр. Кириллом Белозерским, также представителем рода Вельяминовых.

Житие пр. Кирилла называет Сяму одним из ближних владений пр. Кирилла, получившего эти земли от княжеской четы в числе самых первых своих земельных приобретений. В дошедших до нас довольно многочисленных грамотах земельных приобретений пр. Кирилла Сяма не упоминается, возможно потому, что сохранились далеко не все грамоты этого времени, но эта земля могла быть получена только после свадьбы Петра Дмитриевича и Ефросиньи Вельяминовой, которая состоялась 16 января 1407 года, о чем записано в Симеоновской летописи: «Тое же зимы Генваря 16 женился князь Петръ Дмитриевичъ на Москве, взявъ за себе дщерь Полуекта Васильевича».⁵

В житии пр. Мартиниана говорится о том, что Сяма была одним из ближних владений игумена Кирилла. Местные предания долго сохраняли память о месте, где стоял дом, принадлежавший роду Стомонаховых, которые жили в деревне Березники Сямской волости, и где родился Михаил, получивший в дальнейшем монашес-

кое имя Мартиниан. О дате рождения пр. Мартиниана точных сведений нет. В литературе принято относить это событие примерно к 1400 году. В «Истории российской иерархии»⁶ говорится, что пр. Мартиниан прожил более 85 лет, скончавшись в 1483 году. Тогда годом его рождения должен быть 1397 год. Родителей Михаила жизнь называет просто благочестивыми христианами, и больше никаких сведений о них не дает. Только фамилия Стомонаховых, сохраненная устным преданием, указывает на принадлежность их к монастырским людям Сямской волости.

Термин «волость» в старину, кроме того значения, которое утвердилось за ним в позднейшее время: территориальный округ, подразделение уезда, — в средние века употреблялся по преимуществу для обозначения не территории, а общества лиц, близком к значению термина «община». Если «село» означало совокупность земельных владений, то понятие «волость» означало совокупность крестьян, живущих на земле владельческого села, и относящихся к нему деревень.⁷ На волостную общину правитель налагал общую сумму податей и повинностей, а община самостоятельно могла распределять долю каждого крестьянина соответственно его имуществу.

Налоги собирали с членов общины и платили землевладельцам волостные старосты. Кроме налогов и податей, к кругу забот волостного старосты относились дела по содержанию волостной приходской церкви. Волостная община была связана

круговой порукой не только в налогообложении, но и в сфере уголовных преступлений. В древнейшие времена волость называлась также и сотней.⁸ В писцовых книгах указываются документы, называемые «сотными», в которых содержалась перепись людей, земель, податей данной волости, по древнему обычаю называемой «сто».

Еще с глубокой древности существовал обычай деления племен на сотни и тысячи на случай создания народного ополчения. Выборные представители сотни, называемые сотскими, в военное время выступали как военачальники своей сотни, а в мирное время — как волостные старосты. Можно предполагать, что фамилия Стомонахов, принадлежавшая родителям пр. Мартиниана, и означала прозвище волостного старосты в монастырском землевладении — сотника, возглавлявшего общину крестьян на территории, которую приобрел пр. Кирилл для своей обители.

Детство Мартиниана прошло в небольшой деревне Березник, входившей в состав Сямской волости. Крестьяне в те времена жили в небольших, часто одно-двухдворных деревнях, разбросанных вокруг владельческого села. Землевладельцы не вмешивались в хозяйство крестьян, получая с них натуральные и денежные оброки.

Основным источником доходов было освоение природных богатств: бортные леса, рыбные ловли, ловли водяных и других птиц, охота на пушного или крупного зверя. Это позволяло крестьянам платить многочисленные повинности. Рыболовство

и охота были распространены повсеместно. Живя на берегу Кубенского озера, крестьяне, владевшие землей, могли пользоваться правом ловить рыбу в прибрежных тонях. В детстве Михаил, также как и его сверстники, живущие у Кубенского озера, мог научиться рыболовству, помогая добывать пропитание своей семье.

Михаил рос в окружении тогда еще почти нетронутой природы. Крестьянские деревни имели права на охотничьи угодья. Из-за простоты средств охота была доступна практически всем. Предметом охоты были мелкие пушные звери и птица. О продаже на рынках крестьянами шкурок бобра, соболя, куницы, горностая, лисицы, песца свидетельствуют приходо-расходные книги северных монастырей.

Когда Михаил подрос и стал достаточно разумен, чтобы учиться грамоте, родители стали искать человека, который мог бы его учить. Грамотность не была распространена тогда в крестьянской среде, но если отец Михаила был действительно волостным старостой, то желание его учить сына грамоте вполне понятно.

В Сяме, принадлежащей Кирилловой обители, находились монастырские люди, осуществлявшие управление этой частью монастырского хозяйства. Из жития Кирилла Белозерского нам известно, что в обширной Сямской волости был правитель по имени Афанасий. О нем говорится, что, заболев тяжелой болезнью так, что «все члены тела его расслабились, и он совсем не мог шевельнуться»,

услышал он от некоего Мартина об исцелениях, которые происходят по молитвам святого Кирилла.

Судя по тексту, этот правитель не имел прямого отношения к монастырю, так как о чудесах его игумена он услышал только от Мартина. Поверив горячей вере Мартина, Афанасий послал кого-то из своих близких к игумену Кириллу с просьбой помолиться о нем, поскольку сам он не мог передвигаться. Пр. Кирилл помолился и послал больному освященную воду. После окропления этой водой Афанасий полностью исцелился. Интересно, что рассказано было об этом чуде Пахомию Логофету в 1462 году, когда автор жития специально приезжал в Кирилло-Белозерский монастырь для бесед со старцами обители.

Кто же мог поведать Пахомию о чуде, которое произошло не в монастыре, а в удаленной от него местности Сяме? Об этом исцелении мог знать и потом долгие годы помнить, вероятно, участник этих событий, которого посылал заболевший Афанасий просить молитв у святого Кирилла, а потом привезший ему в Сяму освященную воду, и видевший полное исцеление от тяжелой болезни после употребления этой воды. Не был ли участником этих событий сам ученик пр. Кирилла Маргиниан, родиной которого была Сямская волость, и события, происходившие там, были ему известны и памятливы? Если Маргиниан вырос в этой волостной общине, то, находясь в Кирилловом монастыре, который был владельцем части Сямской волости, мог не терять с ней

связь, бывая там по хозяйственным поручениям игумена. К тому же имя Мартин, может быть сокращением в устной речи от полного имени Мартиниан. Почему же тогда в некоторых эпизодах жития Кирилла Белозерского Мартиниан назывался и своим полным именем?

Думается, что монашеская скромность подвижника не позволяла ему рассказывать о своей роли в чудесном исцелении известного и богатого человека, и, как часто поступали и другие подвижники, рассказывая о своей жизни в третьем лице, Мартиниан мог скрыть себя за именем Мартин, не погрешая против истины.

О личности упомянутого в житии правителя Сямы Афанасия можно строить только догадки. Сямская волость была весьма обширна, и Кириллову монастырю принадлежала только ее какая-то часть. Известно, что в дальнейшем, около 1481 года, удельный князь Андрей Вологодский пожаловал 40 волостных деревень на Сяме Троице-Сергиеву монастырю.⁹ Такой обычай существовал и раньше. Среди вкладчиков Троице-Сергиева монастыря есть вдова Белозерского князя Афанасия Ивановича Шехонского Аграфена.¹⁰ Жалованная грамота датируется примерно 1432—43 годами. Вдова вместе с сыновьями Семеном и Василием дарит Троицкому монастырю земли по Шексне с небольшим Никольским монастырем.

Вклад сделан вдовой на помин души усопшего где-то около 1432 года супруга князя Афанасия Ивановича. По своему возрасту князь Афанасий

Шехонский мог быть тем самым заболевшим правителем Афанасием, о котором рассказывает житие пр. Кирилла, и который примерно в 20-х годах заболел так, что «все члены тела его расслабились, и он совсем не мог шевельнуться». Если он впервые так тяжело заболел еще при жизни пр. Кирилла и был им полностью исцелен, то вполне вероятно, что уже спустя лет 10—15 он мог около 1432 года умереть. Однако документов, подтверждающих владения князя Афанасия Шехонского именно в Сямской волости обнаружить не удалось.

Сямская волость навсегда осталась связанной с памятью о своем выдающемся земляке. Даже по прошествии многих лет после смерти пр. Мартиниана здесь благоговейно хранилась память о святом.

По преданию, сама Богородица, явившись во сне местному крестьянину Ивану Родионову, повелела основать на Сяме монастырь.¹¹ Предание говорит о том, что Иван Родионов жил в селении Отводное, близ Кубенского озера. Богородица посылает его для исцеления в Сямскую волость к прихожанам Покровской церкви, чтобы объявить им о построении здесь обители во имя Рождества Богородицы. Значит, еще до построения монастыря на этом месте уже стояла, видимо, деревянная Покровская церковь. Эту церковь и мог посещать Михаил Стомонахов вместе со своими родителями, так как она находилась близ села Березники.

В 1524 году место это было освящено построением монастыря у речки

Крутец на Долгой поляне. Отстроенная в дереве обитель имела храм Рождества Богородицы, где главная храмовая икона прославилась чудотворениями.

Спустя двадцать лет после основания обители, в 1545 году монастырь посетил и жаловал милостыней царь Иван Грозный, совершавший поездку на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. Деревянные постройки Сямского Рождественского монастыря неоднократно горели. Большой

пожар случился в 1642 году. Наконец в 1770-х годах вместо двух деревянных церквей здесь был построен двухэтажный храм с великолепной колокольней. Главный престол освятили в честь Рождества Богородицы, а престол нижнего храма был посвящен празднику Благовещения. Печальные развалины монастыря в виде сохранившейся высокой колокольни и небольших каменных домиков вокруг нее и по сей день напоминают о славной истории Сямы.

Примечания

- ¹ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси. М., 1947. С. 147.
- ² Экземплярский А. В. Угличские владетельные князья. Ярославль 1889 г., С. 37.
- ³ Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси. Т. 1, С. 660.
- ⁴ ПСРЛ т. ХХІУ, С. 232, л. 332.
- ⁵ ПСРЛ т. ХУІІІ, С. 153, (л. 313 об).
- ⁶ Амвросий Орнатский. История российской иерархии. Ч. VI, М., 1815г. С. 852.
- ⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб. 1910. С. 39.
- ⁸ Павлов-Сильванский Н. П. С. 95.
- ⁹ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 150.
- ¹⁰ Веселовский С. Б. Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV-XV вв. М., 1929 г., № 51, С. 38.
- ¹¹ Филарет Гумилевский. Жития святых. СПб., 1885. С. 55.